

Лебединая песня

Новости Известия - 2006 - 3 июля - с. 5

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ,
«Новые Известия»

Главная — международная — программа московской театральной олимпиады завершилась третьей по счету — австрийской — «Чайкой». Пока разгоряченные массы тусовались на карнавалах, театральная элита города — и профессиональная, и зрительская, ожидала чеховский МХАТ, где игрался спектакль знаменитого Люка Бонди.

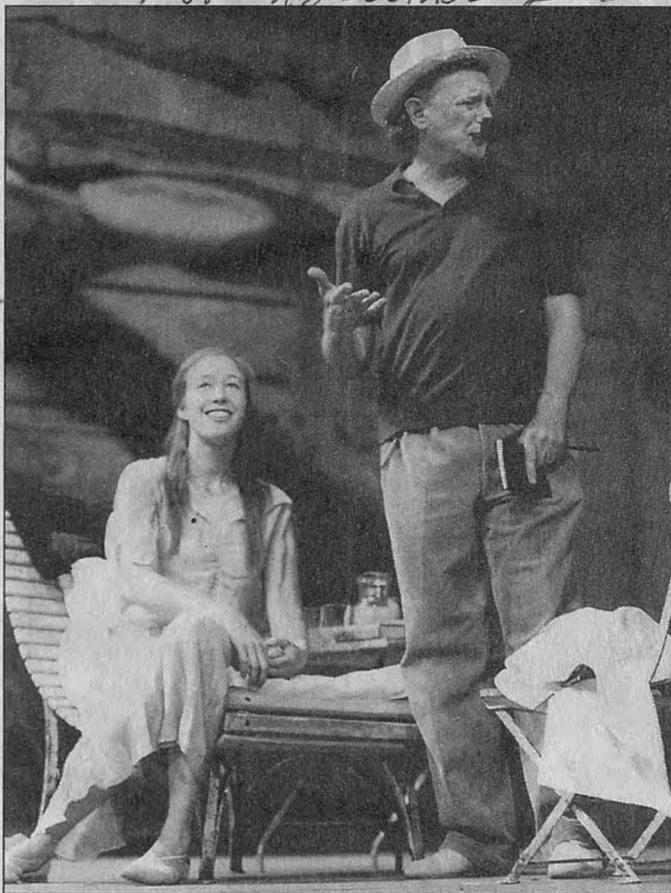
Постфактум мнения разделились. То есть часть публики просто проголосовала ногами после первой же сцены и продолжила голосовать подобным образом до самого антракта, так что ко второму акту зал опустошительно пошел. Однако на вакантные места быстренько устремились студенты, бабушки и прочие безбилетники; понимающий народ сполз с галерки поближе к партеру, утрамбовался, вытянул шеи и внимал немецкой речи до последнего слова, затаив дыхание. За бурным выдохом воследовала не менее бурная овация.

Не могу высказать солидарность ни с ухидившими, ни с затаившимися. И то, и другое, на мой взгляд, крайности. «Чайка» Люка Бонди из числа тех обволакивающих уютных спектаклей, когда персонажи с чувством и с толком располагаются на сцене, намереваясь не покидать ее довольно долго. Часа четыре. Возникает ощущение, что время течет в режиме, приближенном к реальному, и охотно веришь, что между третьим и четвертым действиями проходят предусмотренные автором два года...

Играют актеры, как на подбор, ровно, хорошо, старательно, во всю ширь и глубину драматического психологизма. Известно ведь, что самые правильные чеховские постановки уже много лет производятся именно в Европе. Исполнители подобраны строго по канону, без сюрпризов. За исключением разве что Заречной (Иоханна Вокалеке). Нина получилась хоть и молодая, но довольно-таки страшенькая, мстительная, с чертами отчасти лошадиными.

Треплев (Август Диль) — юный, порывистый и вихрастый. Изысканством телодвижений и простотой напоминает нашего Женю Миронова. Настоящее русское лицо, — сказали бы мы, если бы в данном случае оно не было настоящим немецким.

Сорин (Мартин Шваб) — дряхлый старик, сначала с палочкой, а под конец и вовсе в инвалидном кресле.

Молодость — это страшная сила.
Тригорин клеится к Заречной.

Дорн (Игнац Кирхнер) — молодойший алкоголик. Не хотелось бы обидеть артиста, но синдром на лице. Что касается типажа — опять-таки наш Лев Перфилов. Тайная и давняя подружка Дорна Полина Андреевна Шамраева (Гертрауд Йессерер) — крашенная в ярко-рыжий цвет пожилая сухая фрау.

Аркадина (Ютта Лампе) — дама ничего себе, вполне интересная, статная, тоже рыжая. Видно, что стерва, и почему-то сразу заметно, что выглядит моложе своих лет. Носит преимущественно светлое. В бронзовых прядях запутались солнцезащитные очки.

Тригорин (Герт Фосс) — зрелый эффектный мужик. Живописные кудри (с легкой проплешиной), рубленое лицо, в зубах дымит трубка. Движения у Тригорина неспешные, посадка вальсаянная, взгляд умный — в общем, ничего не скажешь, хорошо. Пока молчит. Потом выясняется, что говорит он, как мочало жует, а трубка заменяет этому крупному младенцу соску.

Тем не менее пара Аркадина — Тригорин у Бонди очень чувственная. Их легко вообразить вместе в постели — две предыдущие «Чайки» не давали для этого никаких оснований.

Спектакль удачно сочетает натуральность и изощренность. Режиссерская фантазия проявляется здесь не напористо и конъюнктурно, как у Додина (не говоря уж о Жолдаке), а мягко, тонко, с расчетом на внимательного зрителя. Австрийскую «Чайку» сопровождают звуки ясные и естественные: звон чайной посуды; приятный фоновый стрекот цикад; дождик шуршит по крыше; кричат, наверное, подравшись над озером, птицы; вдалеке воеет по нескорому еще покойнику собака... К простой дачной мебели постепенно добавляются коричневый ящик патефона, облезлый роуль, китайская ширма и допотопный холодильник. («Допотопный» с нашей точки зрения.) Эпоха не уточняется, все смешалось. Подтанго, исполняемое голосом Ва-

лди Козина (или кого-то очень похожего), Аркадина разминается на лужайке. Усадебный шейпинг...

«Чайка» Бонди кажется невыносимо долгой еще и потому, что она насыщена событиями — крупными и незначительными, причем каждое и из тех, и из других хоть на секунду да останавливает внимание.

Маша тайком утирает щеку после дружеского поцелуя Заречной.

Тригорин обольщает Нину, изучает ее исподтишка трезвым плотоядным взглядом, как бы незачаяй подбираясь ближе к телу.

Аркадина дерется с сыном, которому пять минут назад идилически перебинтовывала рану.

Маша, напившись, громко рыгает.

Дорн проходит через сцену с улочками.

Тригорин неожиданно вульгарным жестом подтягивает штаны.

Треплев стучит на машинке в черной суконной шапочке (только вышитой буквы «М» не хватает), а вокруг, на веревочках, вперемешку с бельем, просушиваются готовые страницы. Видимо, даже позднее творчество Константина Гавриловича страдало избытком воды...

Аркадина пудрит нос.

Вернувшаяся Нина бродит по саду, завернувшись в одеяло, словно только что сбежала из лечебницы.

Беременная уже вторым ребенком от нелюбимого мужа Маша враскорячку носит живот.

Костя камнеет, как жена Лота, когда Заречная признается в своей неистребимой любви к Тригорину.

И так далее.

Гроу полет водку, хрумкают огурчиками, капаят валерьянку, нежатся в шезлонгах, носят свои пиджаки и много плачут. Они все делают правильно, но в любой правильности всегда заключена предсказуемость. Трудно выдержать четыре часа, зная наперед, что ничего экстраординарного не случится.

Однако «Чайка» Люка Бонди была лебединой песней (а «Чайка» вообще — фактически эмблемой) московской театральной олимпиады, — форумом глобального и в целом, безусловно, удавшегося, так что из соображений лирических не станем терзать ее занудными придирками. До свидания, наша ласковая птичка, возвращайся в свой сказочный лес, вернее, на свое колдовское озеро.

Подробнее к итогам олимпиады мы еще обязательно вернемся.

МИХАИЛ ГУТЯН